

Услышав эти слова, Е Вэньцин наконец обрёл покой в душе. С трудом преодолевая боль в горле, он произнёс:

— У меня есть важное дело, о котором я должен доложить Его Величеству.

На обычно холодном, как лёд, лице Ань Фэна редкостно нахмурились брови. Однако он не пригласил Сяо Юйшаня войти, а вместо этого наклонился, чтобы подать Е Вэньцину чай:

— Сначала увлажните горло. Что касается дела о руднике, у вас будет возможность подробно всё объяснить, когда вы вернётесь с Его Величеством во дворец.

Е Вэньцин был в жару, и сейчас ему было больно не только говорить, но даже дышать — словно горло резало ножом. Он взял чай и выпил его залпом, думая про себя, что охранник Ань Фэн действительно является доверенным лицом императора. Даже если он выглядит холодным и немногословным, он всё же внимателен к мелочам.

Е Вэньцин ещё не осознавал, что эта внимательность Ань Фэна проявлялась только по отношению к одному человеку.

Когда же зародилось это тайное чувство?

Вероятно, в те времена, когда покойный император широко привлекал талантливых людей. Какой-то учёный, одетый в простую одежду и обутый в соломенные сандалии, стоял среди множества знатных юношей в роскошных одеждах, стройный, как изумрудный бамбук, с характером, который был ни высокомерным, ни покорным. Его было трудно не заметить.

Тогда Ань Фэн сопровождал Сяо Юйшаня, который был ещё наследным принцем, на отбор. Он издали наблюдал, как тот демонстрирует свои литературные таланты и занимает первое место. Почему-то, несмотря на обычную внешность, этот учёный привлекал взгляды. Даже привыкнув к великолепной внешности Сяо Юйшаня, Ань Фэн невольно оставил в сердце четыре слова, описывающие этого учёного — «непревзойдённая эlegantность».

Позже он услышал, что этот человек, поступив на службу, постоянно сталкивался с трудностями. Даже Сяо Юйшань иногда упоминал его, сожалея, что такой талантливый человек не может найти своего места.

Дело рудника Сяошань было настолько серьёзным, что даже чиновник вроде Е Вэньцина, не имеющий поддержки при дворе, вряд ли мог взять на себя такую ответственность. Даже знатные юноши, за которыми стояли влиятельные семьи, не решились бы на это. Ань Фэн, колеблясь, наконец задал вопрос, который давно его мучил:

— Как вы осмелились взяться за дело рудника Сяошань?

На поверхности казалось, что рудник находится под контролем князя Цзиньань, но на самом деле в этом деле были замешаны и другие силы. Бунт вспыхнул накануне всеобщей амнистии, и если бы кто-то сказал, что это произошло без чьего-либо указания, только глупец поверил бы в это.

Это была игра и борьба между знатными семьями, и мелкий чиновник, стремящийся лишь к спокойной жизни, оказавшись втянутым в это, был бы разорван, как бумага.

— Если бы это действительно было приказом императора, вы могли бы притвориться некомпетентным, просто пролистав несколько документов, — опустив глаза, Ань Фэн произнёс

эти слова от всего сердца. — Неудачное расследование максимум приведёт к понижению в должности, но даже жалование мелкого чиновника позволит вам жить спокойно.

— А если то, чего я добиваюсь, не просто «спокойная жизнь»? — Е Вэньцин поднял голову и посмотрел на него, и в уголках его губ промелькнула лёгкая улыбка.

— Чего же вы добиваетесь? — Хотя Ань Фэн задал этот вопрос, он уже знал, чего хочет Е Вэньцин.

Будь то из-за доверия или просто из-за отсутствия страха, перед Ань Фэном Е Вэньцин не скрывал своих намерений:

— Взлететь ввысь и увидеть облака на девятом небе.

— Хотя на высоте открывается прекрасный вид, под ногами — отвесная скала. Прошу вас, подумайте и действуйте осторожно, — Ань Фэн также происходил из знатной семьи и прекрасно понимал, что за великолепием скрывается тонкий лёд.

Сказав это, Ань Фэн развернулся и ушёл, оставив Е Вэньцина одного наедине с его мыслями. Он не знал, что в тот момент, когда он повернулся, Е Вэньцин с горькой улыбкой подумал про себя.

Если бы он сказал, что не боится разбиться вдребезги, это было бы ложью для других. Только такие люди, как Е Вэньцин, которые шаг за шагом поднимались из ничтожества, понимают, что возможность взлететь ввысь важнее жизни. Для него попытка реализовать свой талант была важнее, чем прожить посредственную жизнь.

Дело о руднике ещё не было завершено, а чиновник министерства Е Вэньцин пропал без вести. Однако у императора нашлось время отправиться в даосский храм, что соответствовало поговорке «не спрашивать о народе, а спрашивать о духах».

Князь Цзиньань тяжело вздохнул, его брови сомкнулись в глубокой задумчивости, и он повторял:

— Это абсурд, действительно абсурд.

— Говорят, что Его Величество также привёз из храма двух молодых даосов, — Сяо Юйцун рассказал отцу о том, что услышал сегодня, и в его словах сквозила ирония. — Говорят, что они заменят даоса Цаньяна в проведении ритуалов во дворце.

— Это просто шарлатаны, которые сбивают людей с толку, — князь Цзиньань действительно разозлился, вспомнив, как несколько дней назад серый даос заставил его замолчать. Его гнев усилился, и он сказал Сяо Юйцуну:

— Завтра пойдём со мной на аудиенцию к императору.

Сяо Юйцун сделал вид, что полон беспокойства, и сказал отцу:

— Завтра вы должны хорошо поговорить с Его Величеством, и при необходимости можно будет пригласить на аудиенцию верховного воеводу Чжана.

— Я уже об этом думал, — в глазах князя Цзиньаня верховный воевода Чжан также был одним

из опекунов, и его участие в совете было необходимо.

Сяо Юйцун всегда с некоторым пренебрежением относился к своему кузену, занявшему трон, и не только потому, что считал его слишком удачливым. С самого рождения тот шёл по жизни легко, без препятствий, и в конце концов стал императором, не испытав никаких трудностей. Возможно, из-за зависти или из-за стремления к трону Сяо Юйцун иногда думал: если бы в первой половине жизни Сяо Юйшань столкнулся с трудностями, смог бы он выжить и стать императором?

Сяо Юйшань был наследным принцем более десяти лет, но у него не было ни политических достижений, ни военных заслуг. Так легко взойти на трон — не только знатные семьи вроде Сяо Юйцуна, но и простые люди высказывали недовольство. Неизвестно, чьё недовольство было сильнее, но со временем поползли слухи.

Слова людей в этом мире страшны, особенно когда их повторяют многие. Правду часто игнорируют, а слухи и домыслы распространяются с невероятной скоростью. Например, истории об императоре или о том, как он управляет страной красотой.

В Золотом зале император был лишь красивой оболочкой, и это было настоящим несчастьем для страны. Сяо Юйцун думал об этом, и на его лице постепенно появилось выражение презрения, но, помня о преданности отца, он поспешил скрыть свои чувства, сказав, что дело о руднике ещё не раскрыто, и он не может долго оставаться здесь, чтобы не задерживать расследование. Затем он поклонился и удалился.

Сейчас солнце уже клонилось к закату, и небо окрасилось в кроваво-красные цвета. На горизонте постепенно сгущалась тьма.

Сяо Юйцун отпустил своих слуг и один поскакал на лошади, направляясь обратно к руднику. Достигнув подножия горы, лошадь вдруг заржала и отказалась идти дальше.

Сяо Юйцун спрыгнул с лошади и огляделся, но никого не увидел. Он крикнул:

— Выходи!

И действительно, из-за кустов поднялся человек в лохмотьях и издали поклонился ему:

— Дело сделано, надеюсь, что вы выполните своё обещание.

— Это ты сам столкнул Е Вэньцина? — Сяо Юйцун, казалось, хотел ещё раз убедиться.

Высокий мужчина ответил:

— Это правда, надеюсь, что вы поможете мне уехать из города.

— А что с двумя другими? — Во время бунта на руднике было трое зачинщиков, и после завершения дела Сяо Юйцун нанял этого человека, чтобы убить двух других.

— Они мертвы, — мужчина оглянулся на горы, скрытые в облаках, и сказал:

— Они, как и Е Вэньцин, нашли свою смерть на дне ущелья.

— Хорошо, ты действительно тот, кого я выбрал, — Сяо Юйцун снял с лошади свёрток и бросил его мужчине:

— Иди, уезжай как можно дальше и никогда не возвращайся в Цзяньян!

— Благодарю вас, — к сожалению, этот человек ещё не понимал, что его участь предрешена, и беда уже нависла над ним.

Сяо Юйцун сел на лошадь и перед отъездом обернулся, чтобы посмотреть на мужчину, его улыбка была зловещей:

— В свёртке достаточно денег, чтобы добраться до края света.

Мужчина поклонился Сяо Юйцуну и дал торжественную клятву, торжественно и необычно:

— Клянусь, что никогда не вернусь в Цзяньян!

В этот раз Сяо Юйцун не ответил, поднял кнут и умчался прочь.

VIII. Прекрасные спутницы (часть 2)

На закате император вернулся из храма Сюйхэ на горе Дунли, где он разгадывал гексаграммы. Его лицо, обычно омрачённое, теперь было безмятежным, и на нём снова появилась та загадочная улыбка.

На этот раз, в отличие от прошлого, император вернулся не только в хорошем настроении, но и привёз с собой двух молодых даосов. Один из них был знакомым — тот, кто ранее приходил во дворец с даосом Цанъяном. Другой, возможно, боясь царственного величия, всю дорогу опускал голову и дрожал.

Этот дрожащий молодой даос был не кем иным, как Е Вэньцином, чудом спасшимся от смерти. Сяо Юйшань приказал всем сопровождающим хранить молчание, а Е Вэньцина переодел в даоса, попросив Чу Циюня прикрыть его. После тщательной подготовки император вернулся во дворец.

Теперь все считали, что чиновник министерства мёртв, и лишь несколько человек знали, что живой человек уже находится под защитой императора.

Сяо Юйшань, вернувшись, сразу направился в кабинет, отпустил всех и оставил только Е Вэньцина перед собой.

[Примечание автора: В тексте использованы китайские имена и названия, такие как Сяо Юйшань, Е Вэньцин, Цзяньян, Чу Циюнь, Дунли, Сяо Юйцун, верховный воевода Чжан, даос Цанъян, храм Сюйхэ, князь Цзиньянь, Ань Фэн. Все они переведены или транслитерированы в соответствии с контекстом. Прямая речь оформлена строго через длинное тире, как требовалось. Удалены возможные следы форматирования исходного сайта. Разделы разделены пустыми строками для улучшения читаемости.]